

“... жили тогда
в трогательной
дружбе...”:
Крылов, Гнедич и
“Повесть о том, как
поссорился Иван
Иванович с Иваном
Никифоровичем”*

**Екатерина Эдуардовна
Лямина**

Национальный исследовательский
университет Высшая школа
экономики, Москва, Россия

**Наталья Владимировна
Самовер**

Сахаровский центр, Москва, Россия

Krylov, Gnedich,
and Mythology
of Friendship
in Gogol’s
*The Tale of How
Ivan Ivanovich
Quarreled with
Ivan Nikiforovich*

Ekaterina E. Lyamina

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

Natalia V. Samover

The Sakharov Center, Moscow, Russia

Аннотация

Статья посвящена специфике генезиса гоголевской “Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем” (1833). Выявлен и описан ранее не рассматривавшийся аллюзионный пласт повести, связанный с литературным бытом Петербурга 1820-х – начала 1830-х гг., в первую очередь — с феноменом многолетней дружбы Н. И. Гнедича и И. А. Крылова. История этих отношений, прослеженная на обширном фактическом материале с привлечением

* Статья написана в рамках научного проекта № 14-01-0205, выполненного при поддержке Программы “Научный фонд НИУ ВШЭ” в 2014–2015 гг.

архивных данных, позволяет сделать вывод о том, что общепринятые представления о дружбе выдающихся поэтов являются культурным конструктом, сформировавшимся в кружке А. Н. Оленина, во многом по аналогии с европейски известным дружеским и творческим союзом Гёте и Шиллера. В работе формулируется и обосновывается гипотеза о том, что кончина Гнедича (февраль 1833 г.), став, вкупе с последними годами его жизни, когда их общение с Крыловым практически сошло на нет, предметом толков в литературной среде столицы, дала Гоголю пищу для размышлений о прославленной дружбе и ее плачевном финале — главной теме “Повести о том, как поссорился. . .”.

Ключевые слова

Н. В. Гоголь, “Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”, “Миргород”, И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, дружба в культуре, литературный быт

Abstract

The paper questions the origins of Nikolai Gogol's *The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich* (1833) and its specific position in the *Mirgorod* collection. The authors identify and analyze an important and overlooked level of allusions of the tale—that of the literary everyday life of the Russian capital in 1820s–early 1830s, eagerly observed and “digested” by the young Gogol. The article demonstrates how and why the phenomenon of a long-term friendship between Nikolai Gnedich and Ivan Krylov, two prominent figures of literary St. Petersburg who were poets, librarians, and neighbors, was created by the neo-classical milieu of Alexey Olenin, the director of the Imperial Public Library. It also points out that the harmony of this cultural myth contrasted with the reality of the Gnedich-Krylov relationship (which faded away soon after Gnedich's retirement and his move to another apartment), a development that was certainly known to Gogol. The main idea of *The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich*—the sudden break in a great friendship followed by the destruction of the universe in which it flourished—seems to have been influenced by the tension created by the contrast between the men's real relationship and the myth of their great friendship. The numerous features linking Ivan Ivanovich and Ivan Nikiforovich to Gnedich and Krylov, respectively, are not to be interpreted as a case of a direct prototypicality, however; Gogol's paired friends-enemies also appear to reflect a development of themes from the Russian folklore bestiary.

Keywords

Nikolai Gogol, *The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich*, *Mirgorod* collection, Ivan Krylov, Nikolai Gnedich, friendship as cultural concept, literary everyday life, folklore bestiary

Гусь свиные не товарищ.

Поговорка

“Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем” (далее — ППИ) в сборнике “Миргород” принадлежит особое место. Написанная раньше, чем другие составившие его тексты, она, единственная из всех, была сначала напечатана отдельно — во второй

части альманаха “Новоселье”¹. Несмотря на то, что весь “Миргород” назван по месту действия этой повести, она контрастирует со “Старосветскими помещиками”, “Тарасом Бульбой” и “Виём” своей преимущественно сатирической окрашенностью и подчеркнутым бытовизмом². Здесь уже дает себя знать то “преследование темных сторон человеческого существования” [Анненков 1960: 78], которое вскоре станет для Гоголя центральной задачей. Отсюда — связь *ППИ* с “Ревизором” и “Мертвыми душами”. При этом уникальной особенностью повести в контексте всего творчества Гоголя является сочетание малороссийского антуража, характерного для его ранних вещей, с существенным пластом петербургских впечатлений, который остался незамеченным ни современниками, ни позднейшими исследователями.

1.

Создание повести принято относить к 1833 г. — главным образом на основании дневниковой записи Пушкина от 3 декабря с ремаркой об авторском чтении “Сказки, как Ив<ан> Ив<анович> поссорился с Ив<аном> Тимоф<еевичем>” [Пушкин, 12: 316]. К тому времени Гоголь прожил в столице около пяти лет, но в сближении с ведущими столичными писателями преуспел далеко не сразу. Известная фраза из его письма к А. С. Данилевскому: “Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я” [Гоголь, 10: 214], касающаяся лета 1831 г., отражая энтузиазм, с которым начинающий литератор переживал свое приобщение к элите отечественной словесности, содержит явное преувеличение.

Не подлежит сомнению, впрочем, что первые петербургские годы Гоголя характеризовались исключительно интенсивным изучением литературного быта столицы. Известную параллель этому процессу можно усмотреть в рассказе Анненкова о том, с каким вниманием молодой Гоголь относился к любым жизненным наблюдениям — материалу для будущей творческой переработки: “Поэзия, которая почерпается в созерцании живых, существующих, действительных предметов, так глубоко понималась и чувствовалась им, что он [. . .] мог проводить целые часы с любым конным заводчиком, с фабрикантом, с мастеровым, излагающим глубочайшие тонкости игры в бабки, со всяким специальным

¹ То есть почти на год раньше трех остальных повестей: вторая часть “Новоселья” была разрешена к печати 18 апреля 1834 г. и вышла 21 или 22 апреля; “Миргород” (цензурное разрешение — 29 декабря 1834 г.) вышел в конце февраля — начале марта 1835 г.

² Это обстоятельство обычно не учитывается при рассмотрении “Миргорода” как художественного единства (см., например: [Жуковский 1959: 74–75]), “единого текста, организованного совокупностью разных точек зрения” [Беспрозванный 2010].

человеком, который далее своей специальностью и ничего не знает. Он собирал сведения, полученные от этих людей, в свои записочки [. . .] и они дожидались там случая превратиться в части чудных поэтических картин” [Анненков 1960: 77–78]. Основным инструментом интеграции Гоголя в литературную культуру пушкинского круга, несомненно, служило освоение его устной истории, включавшей многочисленные рассказы и анекдоты о знаменитых петербургских литераторах. Мощным катализатором таких рассказов, по-видимому, послужила смерть Н. И. Гнедича в начале февраля 1833 г. Оригинальная личность поэта, воспоминания о нем и его отношениях с современниками, составлявшие, как обычно в подобных случаях, предмет разговоров в литературных гостиных, должны были произвести впечатление на такого чуткого слушателя, как Гоголь.

Одно из центральных мест в этих беседах, очевидно, занимали отношения Гнедича с И. А. Крыловым. Представление о близкой дружбе, на протяжении многих лет связывавшей обоих поэтов, бытовало в петербургском культурном обиходе с 1820-х гг.: так, В. А. Оленина, говоря об этом времени, неоднократно называет Крылова и Гнедича “неразрывными друзьями” [КВС 1982: 140, 147], а Н. И. Греч в мемуарных заметках говорит об их “тесной, прерванной только смертью, дружбе” [Греч 1857: 748]. По всей вероятности, фиксации этого представления способствовало последовавшее за кончиной Гнедича обобщение рассказов о нем, произведенное коллективными усилиями многих знавших его людей и одобренное обычной в таких случаях толикой мемориальной идеализации.

На протяжении более чем двух десятилетий Гнедич и Крылов были “отличнейшими или отличенными” поэтами круга А. Н. Оленина [Вигель 2003, I: 575]. В его доме они появились и стали своими людьми практически одновременно: Крылов около 1807 г., Гнедич — в начале 1808-го. Оба неродовитые и бедные, карьерой и благосостоянием они были обязаны именно Оленину, чрезвычайно высоко ценившему их таланты. Преимущественно стараниями Оленина на рубеже 1800–1810-х гг. оба поэта были приняты при дворе благосклонной к литераторам вдовствующей императрицы Марии Федоровны и стали известны другим членам августейшей фамилии. Как следствие, в 1809 г. Гнедичу и в 1812 — Крылову в качестве поощрения их литературной деятельности были пожалованы годовые пенсии в 1000 и 1500 рублей ассигнациями соответственно³.

³ Гнедичу он выплачивался из средств великой княгини Екатерины Павловны, Крылову — из средств императорского Кабинета. Далее все суммы указываются в ассигнационных рублях.

Благодаря Оленину оба поступили и на службу в Императорскую Публичную библиотеку. В апреле 1811 г.⁴ на вакансию помощника библиотекаря был принят Гнедич; в январе следующего года на такую же должность был определен Крылов. Вскоре они заняли эквивалентные позиции, которые сохраняли вплоть до отставки, в 1831 и 1841 гг. соответственно: Гнедич заведовал отделением греческих книг и латинским фондом, Крылов — русским фондом⁵. Важным подспорьем для обоих поэтов стали казенные квартиры с дровами, предоставленные им в жилом доме Библиотеки. Гнедич вселился туда в 1811 году, Крылов — в 1816-м, и следующие пятнадцать лет они прожили соседями⁶. Этот фактор и стал, по-видимому, ключевым для возникновения мифа о связывавшей поэтов “беспримерной дружбе” [КВС 1982: 140].

Вследствие случайного стечения обстоятельств в быту Крылова и Гнедича соединилось несколько элементов, традиционно служивших атрибутами романтического “дружества”: оба были одиноки, имели схожие интересы и занятия, много времени проводили вместе и даже жили в одном доме. Этого оказалось достаточно для того, чтобы большинство современников интерпретировали их отношения как идеальную дружбу.

Натянутость такого умозаключения становится очевидна, если обратить внимание на то, что примененная в данном случае модель дружеской связи, характерная для культуры сентиментализма и романтизма,

⁴ То есть еще в бытность директором Публичной библиотеки А. С. Строганова, при котором Оленин занимал должность помощника. Директором библиотеки он стал в октябре 1811 г., после смерти Строганова.

⁵ При этом формально их должностное положение длительное время оставалось неравным. Должность библиотекаря была предложена обоим в 1816 г., однако Крылов ее принял, а Гнедич — нет. Для Крылова это было простое повышение по службе с соответствующим увеличением жалованья с 900 до 1200 рублей. Что касается Гнедича, то он в то время, помимо Публичной библиотеки, числился также служащим Государственной канцелярии и Департамента народного просвещения и получал там жалованье, по 1200 рублей на каждом месте, в связи с чем назначение ему полного оклада библиотекаря было невозможно. Разочарованный этим, Гнедич отказался от повышения: “. . . я не желаю поступить в звание библиотекаря, не получая положенного по месту сему жалованья, а потому остаюсь на прежней вакансии и окладе” (цит. по: [Голубева 2000: 152]). Библиотекарем он стал лишь в апреле 1826 г., а полный оклад получил еще позднее, в 1827 или даже в 1828 г. [Гнедич 1816: л. 2–12 об.; Гнедич 1814–1831: л. 8–9; Голубева 2000: 153].

⁶ Современный адрес этого дома: Садовая ул., 18, близ главного здания Библиотеки. Гнедичу, состоявшему в должности помощника библиотекаря, была предоставлена квартира на последнем, третьем этаже дома. Что касается Крылова, то он вселился в казенную квартиру на втором этаже, непосредственно под жилищем Гнедича, уже будучи библиотекарем [Казенные квартиры 1816: л. 1]. Вход в жилища обоих поэтов был с одной лестницы. Площадь и планировка квартир совпадали, однако комнаты Крылова в бельэтаже имели более высокие потолки. План квартиры Крылова см. [Гордин 1969: 228].

с наибольшей полнотой реализовывалась не в зрелом, а в юношеском возрасте. Молодые друзья (обычно пара), еще не имеющие собственных семей, посвящали, подобно родным братьям, большую часть времени общению друг с другом. Таким отношениям часто придавалась аффективная эмоциональная окраска, а душевная близость воспринималась как сверхценность (подробнее об этом см.: [Кон 2005: 83–92]). Идеализированные представления о счастливой, неразлучной жизни с другом на лоне природы характерны для русской и европейской литературы конца XVIII – начала XIX вв.; мечты такого рода встречаются, в частности, в юношеской переписке круга Жуковского и братьев Тургеневых. Иногда молодые друзья, стремясь реализовать подобный сценарий, действительно селились на одной квартире (Н. М. Карамзин и А. А. Петров, А. С. Грибоедов и А. И. Одоевский, Е. А. Баратынский и А. А. Дельвиг).

Существенно и то, что в стороннем восприятии личности Крылова и Гнедича легко “сдваивались” за счет яркого взаимодополняющего не сходства внешности, темперамента и бытовых привычек. Констатация их парности – общее место мемуарных текстов, в которых фигурируют оба поэта. Ср.: “Крылов и Гнедич [. . .] были замечательны своею дурнотою; оба высокие: первый толстый, обрюзглый, второй сухой, бледный, кривой, с исшитым от воспы лицом; но зато души и умы были превосходные”; “Одна и та же лестница, мимо Крылова, вела наверх, в квартиру Гнедича. Удобство сообщения, холостая жизнь обоих, любовь к литературе и равные отношения к гостеприимному дому Олениных тесно связали поэтов, хотя во многом великая была разница в их личности. Умом своим, всегда сосредоточенным и дальновидным, сердцем опытным и охлажденным, характером беспечным и скрытным, жизнью не деятельною и неопрятною, приемами простыми и чуждыми светскости Крылов представлял совершенную противоположность Гнедичу, который до многого додумывался медленно и не всегда верно, увлекался добрым и доверчивым чувством, любил во всем порядок и щеголеватость, старался выказать знатока общественных приличий и часто поддавался влечению самолюбия” [КВС 1982: 147, 220–221] (см. еще: [там же: 182–183, 194–195, 282; Стурдза 1851: 16; Греч 1857: 643–644]).

Складыванию в сознании современников мифа об исключительной дружбе Крылова и Гнедича, очевидно, способствовало и то, что на их отношения проецировалась другая модель – дружбы, связующей поэтов. Ее классическим образцом для европейской культуры второй четверти XIX века служили отношения Гете и Шиллера.

Немецкие поэты сблизились в зрелом возрасте, когда Гете было сорок пять лет, а Шиллеру – тридцать пять. Время юношеских дружб

для обоих уже миновало. С самого начала их соединял не эмоциональный порыв, а уважение, основанное на глубинной общности ценностей — как в эстетической, так и в общественно-политической сфере. Существенные различия в темпераменте и внешности стусевывались перед этим единством⁷. Творческий союз Гете и Шиллера существовал на протяжении десяти лет, из которых последние пять (до смерти Шиллера в 1805 г.) они прожили в одном городе. Однако превращение их отношений из факта личных биографий в идеальный образец возвышенной дружбы поэтов совершилось только во второй половине 1820-х гг. усилиями Гете, который спустя двадцать один год после смерти Шиллера добился торжественного перезахоронения его (как все тогда считали) праха в усыпальнице великих герцогов в Веймаре, а затем издал свою переписку с ним. Последним аккордом, окончательно закрепившим каноническое представление об их дружбе, стало погребение в той же усыпальнице самого Гете, скончавшегося в марте 1832 г. и завещавшего похоронить себя рядом с Шиллером. Это совместное погребение актуализировало для современников восходящую к античности культурную традицию понимания дружбы как вечного духовного союза, увенчанного загробным соединением друзей⁸.

Таким образом, миф о дружбе Крылова и Гнедича возник на пересечении двух моделей: романтической дружбы вообще и дружбы двух поэтов. Складывание и закрепление этого мифа произошло в кругу Оленина, для которого было характерно стремление выявить в русской культуре структуры, роднящие ее с культурой европейской. Неслучайно мемуаристы, больше других говорящие о дружбе поэтов (В. А. Оленина, Н. И. Греч), происходят именно из этого круга.

Соотнесение пары Крылов — Гнедич с парой Гете — Шиллер очевидным образом напрашивалось. Русские поэты, в миниатюре повторяя статус “веймарских Диоскуров” в германской культуре, занимали в оленинском кружке положение литературных корифеев — равновеликих, несмотря на бросающиеся в глаза различия. Творчество каждого, располагаясь в собственной литературной нише, было тесно связано с идейной программой этого круга. Гнедич, переводя “Илиаду” размером оригинала и подыскивая словесные и образные эквиваленты всем

⁷ Примечательно, что скульптор Э. Ритшель, автор “двойного” памятника поэтам, установленного в Веймаре в 1857 г., счел нужным в нарушение исторической правды сгладить разительный контраст между долговязым Шиллером и Гете, имевшим средний для своего времени рост и полноватую фигуру. Интерпретируя друзей-поэтов как “новых Диоскуров”, т. е. фактически как братьев-близнецов, он изобразил их одного роста.

⁸ Так, “Северная пчела” отмечала: “. . . по окончании священного обряда прах Гете опущен был в могилу, подле того места, где покоится друг его Шиллер” [Новости 1832].

деталюм гомеровского универсума, созидал для русской культуры античность как европейскую культурную матрицу. Крылов в своих баснях рисовал панораму свойств национального характера и конструировал обобщенный русский тип мышления, открывая соотечественникам широкие возможности для продуктивной рефлексии. Особенности темперамента (флегматик Крылов и “пламенный” Гнедич) также напоминали пару Гете — Шиллер.

2.

В реальности, однако, отношения поэтов были куда менее однозначны. Ни многолетней общей службы и соседства, ни совместного членства в Российской академии, куда Крылов и Гнедич были избраны в 1811 г., и в Английском клубе⁹, ни свойственного обоим профессионального интереса к театру, ни общего круга знакомств не было достаточно для того, чтобы сделать их друг для друга чем-то большим, нежели коллегами и добрыми приятелями. Эмоциональной привязанности — необходимого элемента романтической дружбы — между ними, по-видимому, не было. “Дружба их была, вероятно, основана более на уважении друг друга в литературном отношении, хотя дарование каждого из них было совершенно противоположно дарованию другого: они пели не на один лад. А вероятнее еще, короткая их связь закрепила общим сожителем в доме Императорской библиотеки”, — пронизательно замечал впоследствии П. А. Вяземский [КВС 1982: 182].

Прежде всего, сказывалась разница в возрасте, составлявшая не менее пятнадцати лет. Напомним, что Крылову к моменту, когда он переехал в дом Публичной библиотеки и стал соседом Гнедича, было уже под пятьдесят, Гнедичу — тридцать два года¹⁰. Таким образом, они принадлежали к разным поколениям, в том числе литературным. Судя по их разговорам, зафиксированным современниками, Гнедич, осознавая эту дистанцию, обращался к Крылову на “вы”, Крылов к нему — на “ты” [там же: 66, 76].

Существенным было и расхождение в общественно-политических взглядах. Даже перестав печатно декларировать свободолобивые убеждения¹¹, Гнедич продолжал с энтузиазмом выражать их в дружеском

⁹ Крылов состоял в клубе с 1817 г., Гнедич — с 1818-го.

¹⁰ Вопрос о дате рождения Крылова по сей день остается спорным (1768 или 1769 год); Гнедич родился в 1784 г.

¹¹ Напомним, что Гнедич — переводчик “республиканской трагедии” Шиллера “Заговор Фiesco в Генуе” (М., 1803) и программной философской элегии А.-Л. Томэ “Devoirs de la Société” (под заглавием “Общежитие”, 1804), автор романа о злодействах испанской монархии “Дон-Коррадо де Геррера. . .” (М., 1803) и “антиколониального” стихотворения “Перуанец к испанцу” (1805; опубл. 1809).

кругу; Крылов же, по многочисленным свидетельствам, во второй половине жизни старательно уклонялся не только от участия в подобных беседах, но даже от присутствия при них. В тех редких случаях, когда этого не удавалось избежать, он высказывался, по-видимому, намеренно резко [там же: 71–72, 146]. Об одном таком разговоре Гнедич в записной книжке отзывается не без горечи:

Есть люди (и таков мой почтенный сосед), которые, не имея понятия об лучшем состоянии общества или правительства, с гордостью утверждают, что иначе и быть не может. Они согласны в том, убеждаясь очевидностями, что существующий порядок соединен с большим злом, но утешают себя мыслию, что другой порядок невозможен. — Соседу моему вспоминал я того императора японского, который едва не умер со смеху, когда ему рассказывали об образе правления в Голландии. Но сосед остался непоколебим как ирокезец, который понять не может, что можно было побеждать врагов, не жаря пленных [Тиханов 1884: 56–57]¹².

Тем не менее, на рубеже 1810-х – 1820-х гг. в отношениях Крылова и Гнедича был момент, когда перед ними открылась возможность для сближения, причем первый шаг сделал старший из поэтов. По-видимому, именно так следует трактовать известный эпизод, поразивший современников: немолодой баснописец два года втайне от всех изучал древнегреческий язык и наконец эффектно продемонстрировал свой успех, с листа переводя “Илиаду” к вящему изумлению опытных эллинистов Оленина и Гнедича¹³. Объяснение, в соответствии с которым ленивый, но азартный Крылов предпринял это исключительно “для удовлетворения минутной прихоти” [КВС 1982: 202], не кажется убедительным. Многие современники сделали из этой истории вывод о том, что Крылов овладел древнегреческим ради того, чтобы присоединиться к своему другу Гнедичу в переводе Гомера. О воодушевлении, которое вызвал этот шаг у самого Гнедича, свидетельствует написанное им по горячим следам, в 1820 г., стихотворение “Сосед, ты выиграл! Скажу теперь и я. . .” [Гнедич 1956: 122]. М. Е. Лобанов впоследствии отмечал: Гнедич “настаивал, чтобы Иван Андреевич, ознакомившись с гекзаметром, этим роскошным и великолепным стихом Гомера, принял бы за перевод «Одиссеи». Сначала Иван Андреевич сдался на его убеждения и действительно некоторое время занимался этим делом. . .” Мечта о том, что два лучших поэта оленинского круга совместными усилиями совершат великий культурный

¹² Запись не датирована; вероятно, она сделана в середине 1820-х гг. Самая поздняя из датированных записей в книжке Гнедича относится к марту 1827 г.

¹³ Это произошло, скорее всего, не позднее 1820 г. Варианты истории см.: [КВС 1982: 77, 135–136, 202, 237, 403–403; Стурдза 1851: 16–17; Греч 1857: 643–644]. Достижение Крылова произвело на Гнедича особенное впечатление еще и потому, что он также выучил древнегреческий язык во многом самостоятельно [Лобанов 1842: 4].

подвиг и воссоздадут на русском языке обе классические поэмы древности, в самом деле была весьма привлекательна. Сотрудничество такого рода напомнило бы творческий союз Гете и Шиллера, в котором в наибольшей степени практически проявилась их дружба.

Однако порыв Крылова скоро остыл. Работу над переводом “Одиссеи” он бросил после 27-го стиха: “. . .видя, что это сопряжено с великим трудом, и, вероятно, не чувствуя особенной охоты к продолжению, он решительно объявил, что не может сладить с гекзаметром. Это огорчило Гнедича, и тем более, что он сомневался в истине этого ответа” [КВС 1982: 78]. Стало ясно, что Крылов не разделяет страсть Гнедича к античности, а значит, “проект” творческой дружбы поэтов, основанной на гармонически согласованном труде, ведущем к единой великой цели, оказался несостоятельным¹⁴.

На следующий год Крылов сделал еще один шаг навстречу Гнедичу — предложил ему вместе отправиться в заграничное путешествие, но тот не согласился. Свой отказ он счел нужным облечь в стихотворную форму и напечатать (“К И. А. Крылову, приглашавшему меня ехать с ним в чужие края”), введя в финале аллюзию на басню самого Крылова “Два голубя”, посвященную нежной дружбе [Гнедич 1821: 127]¹⁵. Объясняя нежелание покинуть Петербург привязанностью к неким друзьям (под которыми подразумевалось в первую очередь семейство Олениных), Гнедич мягко, но недвусмысленно отделил от них Крылова.

Многое в Крылове (его неопрятность, скрытность и сдержанность, доходившие до холодности и равнодушия, лень, склонность к карточной игре и мелочная скупость) отталкивало Гнедича. Об этих качествах “почтенного соседа” он не раз отзывался иронически, считая, что они бросают тень на блистательное дарование баснописца [Гнедич 1956: 122; КВС 1982: 136, 245, 217]. Тем не менее, в силу отмечавшейся многими современниками доброты и “благородного беспристрастия” в суждениях о литературных трудах, “чьих бы то ни было” [Сушков 1868: 68], он не позволял себе переносить на произведения Крылова свою оценку его личности.

Значение Крылова для русской культуры Гнедич сознавал ясно и относился к его творчеству с огромным уважением. Неслучайно именно

¹⁴ В жизни Гнедича это было второе разочарование такого рода. Он взялся за перевод “Илиады” одновременно с началом работы тогдашнего ближайшего друга К. Н. Батюшкова над переводом другого европейского поэтического эпоса — “Освобожденного Иерусалима” Тассо. Однако Батюшков, как впоследствии Крылов, быстро охладил к своему труду и оставил его, едва начав.

¹⁵ Ср.: “За счастьем бежа под небо мы чужое, / Бросаем дома то, чему замены нет: / Святую дружбу, жизни лучший цвет / И счастье душ прямое” [Гнедич 1956: 123] и “. . . верьте, той земли не съесте вы краше, / Где ваша милая, иль где живет ваш друг” [Крылов 1956: 31].

в его книжном собрании сохранился экземпляр “Басен” (С.-Петербург, 1819), использовавшийся Крыловым для подготовки следующего, расширенного издания [*Крылов 1819*]¹⁶. По свидетельству Плетнева, Гнедич также “выпросил” у Крылова и сберег “как драгоценность” рукопись его юношеского произведения — комической оперы “Кофейница” [КВС 1982: 210]¹⁷. В своем завещании он специально оговорил передачу этих раритетов в надежные руки [Тиханов 1884: 32]. Посмертная опись имущества Гнедича зафиксировала, что он, наряду со слепками антиков, бюстом Гомера и несколькими портретами актрисы Е.С. Семеновой, в папке с гравюрами хранил и изображение Крылова [*Опись 1833*: л. 14 об.].

При этом самолюбие не могло не напоминать Гнедичу, что в 1810-е гг. в оленинском кружке вклад его самого — переводчика Гомера — в формирование русской национальной культуры как современной, европейской оценивался выше, чем заслуги Крылова, “русского Лафонтена”. Однако на рубеже 1820–1830-х гг. ситуация изменилась. Теперь, в системе координат зрелой романтической народности, творчество баснописца стало рассматриваться как более весомое и значительное. В последний период своей жизни Гнедич имел возможность наблюдать начало неожиданно мощного взлета Крылова, которое привело к его “огосударствлению” и превращению в живого национального классика [Лямина, САМОВЕР 2016]. Когда осенью 1829 г. вышла в свет “Илиада” с посвящением императору Николаю, переводчик с горечью увидел, что труд всей его жизни, хотя и был высоко оценен знатоками и собрал причитающиеся хвалебные отзывы в прессе, не получил того общественного резонанса, который в свое время имели в Германии выполненные И. Г. Фоссом переводы гомеровских поэм¹⁸. Между тем здоровье Гнеди-

¹⁶ Подготовка и выход этого издания — “Басни Ивана Крылова. В семи книгах” (С.-Петербург, 1825) — были важным событием для всего оленинского кружка. Оленин выхлопотал на издание весьма значительную сумму [Лямина, САМОВЕР 2016], лично составил программу иллюстраций и привлек к работе над ними лучших художников и гравюров.

¹⁷ Гнедич также сохранил рукописный экземпляр нескольких басен Крылова, в 1813 г. прочтенных автором императрице Марии Федоровне в Зимнем дворце [*Крылов 1813*].

¹⁸ Создание эквиритмических переводов Гомера на немецкий язык (“Одиссея” вышла в 1781 г., “Илиада” — в 1793-м) сделало Фосса живым культурным достоянием Германии. Всеобщее признание его заслуг выразилось в пожаловании ему пенсионов сразу двумя государями — герцогом веймарским (1802) и курфюрстом баденским (1805). Последние годы жизни Фосса прошли в Гейдельберге, где он занимал необременительную должность советника университета, что позволило ему полностью посвятить себя литературной деятельности (см. [Voß 1996: 548–550]; за указание на это издание благодарим К. А. Осповата). И. Г. Фосс скончался в марте 1826 г., незадолго до того, как Гнедич закончил работу над своим переводом “Илиады”. 31 октября 1826 г.

ча стремительно разрушалось; через год с небольшим он был вынужден выйти в отставку и спустя еще год скончался.

Крылов, со своей стороны, тоже имел основания ощущать в отношениях с приятелем некоторую напряженность. С начала их совместной службы в Публичной библиотеке Гнедич, будучи значительно моложе, опережал его в награждении орденами и чинами, поскольку, в отличие от него, не бывал в отставке и, соответственно, имел большую выслугу лет. Так, первый орден (св. Владимира 4-й степени) Гнедич по ходатайству Оленина получил уже в начале 1812 г., а Крылов стал кавалером этого ордена только в марте 1820-го, когда Гнедичу в рамках того же представления чиновников Библиотеки к наградам был пожалован уже второй орден — св. Анны 2-й степени. Крылов удостоился аналогичной награды лишь в 1828 г., причем Гнедич к этому времени уже имел орден св. Анны 2-й степени с алмазными украшениями (пожалован 7 июня 1827 г.). Гнедич, не имевший полного университетского образования, был без установленного экзамена произведен в статские советники в апреле 1828 г.; Крылову аналогичной милости пришлось ждать еще два с половиной года, до декабря 1830-го.

Вскоре затем, 31 января 1831 г., Гнедич, вследствие “расстроенного здоровья”, был по собственному прошению уволен от службы. Помимо сохранявшихся за ним двух пожизненных пенсионов: за перевод “Илиады” (3000 рублей; назначен 13 ноября 1826 г.) и “во уважение к состоянию здоровья, расстроенного трудами и прилежанием к наукам на пользу словесности” (еще 3000 рублей; назначен 12 июня 1827 г.) [Голубева 2000: 222] — поэту, по ходатайству Оленина, было также обращено в пенсион полное жалованье по Библиотеке (1200 рублей). Учитывая, что ему продолжала выплачиваться пенсия в 1000 рублей, назначенная еще великой княгиней Екатериной Павловной в 1809 г., годовое содержание Гнедича в общей сложности составило 8200 рублей. Для сравнения: постоянный годовой доход Крылова на тот момент складывался из

Оленин, несомненно, имея в виду аналогию с государственной поддержкой трудов Фосса, обратился к министру просвещения А.Н. Голицыну с просьбой выхлопотать для Гнедича вспомоществование из Кабинета или казначейства на подготовку его труда к публикации [Георгиевский 1914: 131]. Уже 13 ноября Николай I подписал именной указ министру финансов: “за труды в переложении им в стихах на русский язык Илиады Гомеровою, Мне поднесенной, повелеваю производить ему в пенсион по смерти по три тысячи рублей в год из Государственного казначейства, сверх получаемого им по службе жалованья” [Гнедич 1814–1831: л. 17]. Однако если переводы Фосса оказались в полной мере востребованы развивающейся немецкой культурой, то с русской “Илиадой” этого не произошло. “Не собрав общих, заслуженных рукоплесканий, не вполне насладившись восторгами своих сограждан [...] Гнедич долго и мужественно носил в груди своей тайное сетование, и наконец, как человек, не мог скрыть его от искренних друзей своих” [Лобанов 1842: 11–12].

жалованья и пенсионна и составлял 4200 рублей (не считая гонораров). Очевидно, к этому времени относится эпизод, о котором, приводя не совсем точную цифру, вспоминает М. Е. Лобанов:

Гнедич, переводчик “Илиады”, ближайший сосед, сослуживец, всеневный собеседник и добрый товарищ его [Крылова], человек высокой души и светлого ума, удрученный болезнью, оставляя службу и оканчивая литературное свое поприще, удостоился получить 6000 р. пенсии от государя императора. Вдруг Крылов перестал к нему ходить, встречаясь в обществах, не говорил с ним. Изумленный Гнедич, да и все, видевшие эту внезапную в Крылове перемену, не постигли, что это значило. Так прошло около двух недель. Наконец, образумившись, Крылов приходит к нему с повинною головою: “Николай Иванович, прости меня”. — “В чем, Иван Андреевич? Я вижу вашу холодность и не постигаю тому причины”. — “Так пожайе же обо мне, почтенный друг: я позавидовал твоей пенсии и позавидовал твоему счастью, которого ты совершенно достоин. В мою душу ворвалось такое чувство, которым я гнушаюсь”. Пламенный Гнедич кинулся к нему на шею, и в ту же минуту все прошлое забыто [КВС 1982: 76–77].

Эта размолвка произошла, видимо, в последние недели проживания Крылова и Гнедича в одном доме. По выходе в отставку Гнедич переехал в находившийся сравнительно недалеко от Публичной библиотеки дом А. К. Оливье (Оливио) на Пантелеймоновской улице у Летнего сада. Из старых знакомых его продолжали посещать Лобанов, эконом и казначей Библиотеки С. В. Васильевский, а также Оленин, однако нет никаких сведений о том, что у него бывал Крылов. Показательно также, что человека, в течение многих лет считавшегося его близким другом, Гнедич не включил в число своих душеприказчиков¹⁹. Не принял Крылов и участия в распродаже движимого имущества Гнедича, устроенной после его смерти с целью выручить наличные деньги для основного наследника, его несовершеннолетнего племянника [Опись 1833]. Впрочем, он присутствовал на отпевании и похоронах Гнедича в Александро-Невской лавре 6 февраля 1833 г. [Шимкевич 1918: 34], а весной 1835 г. в числе других “друзей и почитателей” покойного пожертвовал 50 рублей на сооружение надгробного памятника [Георгиевский 1914: 135–137].

Лобанов, многолетний сослуживец и сосед Крылова и Гнедича, несомненно, принадлежал к числу людей, наиболее близко знавших обоих поэтов. Учитывая это, особенно примечательно, что он практически не пишет об их близкой дружбе. Более того, в биографическом очерке о Гнедиче Лобанов вообще не упоминает имени Крылова, называя самого себя душевным другом переводчика “Илиады” на протяжении

¹⁹ Душеприказчиками Гнедич назначил своих дальних родственников: действительного статского советника Д. П. Позняка и статского советника П. П. Татаринова — и двоих бывших сослуживцев: Лобанова и С. В. Васильевского. Завещание Гнедича, отчет душеприказчиков о его кончине и исполнении ими воли покойного, в т. ч. о распродаже см.: [Тиханов 1884: 30–32].

тридцати лет [Лобанов 1842: 26]. Тема дружбы между поэтами проскальзывает только в его мемориальном очерке, посвященном Крылову, причем применительно к похоронам баснописца: “. . . незабвенного писателя положили в землю рядом с другом его, Н. И. Гнедичем” [КВС 1982: 90]. Здесь Лобанов не дает собственной оценки, но лишь повторяет газетную формулировку [Некролог 1844: 1038].

Решение о месте погребения Крылова принимал его душеприказчик Я. И. Ростовцев. За образец он, по всей вероятности, взял общую усыпальницу других идеальных друзей — Гете и Шиллера. Сблизившись с Крыловым в начале 1840-х гг., через много лет после смерти Гнедича, Ростовцев мог судить о давних отношениях двух поэтов преимущественно на основании общего мнения. Для него близкая дружба Крылова и Гнедича явно была аксиомой, не подлежащей сомнению. Миф окончательно утвердился. Более осведомленные современники (как, например, Лобанов) предпочли с этим не спорить.

3.

Возможность непосредственно наблюдать Крылова и Гнедича появилась у Гоголя начиная с 1831 г., когда он стал бывать в литературных салонах столицы. В частности, обоих поэтов он мог встречать на собраниях у В. А. Жуковского до отъезда хозяина за границу в июне 1832 г. К 1833 г., когда шла работа над *ППИ*, Гоголь, скорее всего, уже был лично с ними знаком, но отнюдь не близок.

В начале 1830-х гг. Гнедич болел и выезжал мало, однако на его общение с Гоголем косвенно указывает дарственная надпись на экземпляре “Вечеров на хуторе близ Диканьки”: “Знаменитому земляку от Сочинителя”²⁰. Учитывая большую разницу в возрасте и общественном положении, тон инскрипта выглядит неожиданно фамильярным. При этом попытка опереться на общее малороссийское происхождение для сближения с прославленным поэтом — знак очевидно неверного понимания Гоголем масштаба личности Гнедича. Тот существовал в европейском культурном измерении, по социальному статусу давно принадлежал к петербургской элите. И то, и другое практически исключало культивирование провинциальности.

²⁰ Экземпляр с этим инскриптом ныне находится в Отделе старопечатных, редких и ценных книг Национальной исторической библиотеки Украины (Киев). Как и Гоголь, Гнедич был уроженцем Полтавской губернии. Рукописная отметка о принадлежности 1-й Полтавской мужской гимназии косвенно свидетельствует о том, что книга происходит из библиотеки Гнедича, по его завещанию перешедшей в собственность этого учебного заведения. Значительно менее вероятно адресация инскрипта М. А. Максимовичу, которого Гоголь в письмах начала 1830-х гг. неоднократно называл “земляком”. Приносим искреннюю благодарность И. С. Булкиной за помощь в изучении этого экземпляра.

Крылов был для молодого Гоголя фигурой еще более труднодоступной²¹. 19 февраля 1832 г. будущий автор *ППИ* скромно присутствовал на обеде по случаю новоселья книжной лавки А. Ф. Смирдина, где Крылов сидел во главе стола и даже произнес несколько тостов [Греч 1832: л. 2]. Произведения знаменитого баснописца, без сомнения, были Гоголю хорошо известны. Так, сцена потчевания Ивана Ивановича чаем в *ППИ* аранжирована в крыловском духе, и гостеприимному до навязчивости хозяину дано безошибочно узнаваемое имя Демьян Демьянович. Однако к самому Крылову Гоголь не испытывал не только пиетета, но и сколько-нибудь явного интереса. Единственное упоминание о нем в интересующий нас период (в письме к М. П. Погодину от 20 февраля 1833 г.), выдержанное в крайне развязном тоне, строится на банальнейших клише: “Этот блюдолиз, несмотря на то, что породю слон, летает как муха по обедам” [Гоголь, 10: 263].

Схематически упрощенные и сниженные образы Гнедича и Крылова, которыми оперировал в то время Гоголь, плохо вязались с мифом об идеальной дружбе двух поэтов, несомненно, известным ему по рассказам общих друзей и знакомых. Среди разговоров, инициированных смертью Гнедича²², наверняка проскальзывали упоминания и о разговорах между ним и Крыловым, и о том, что их многолетние отношения сошли на нет после того, как они перестали быть соседями. Такие детали разрушали внутреннюю гармонию мифа, что неизбежно порождало ощущение фальши. Именно с этим может быть связано возникновение замысла *ППИ*, в центре которой стоит одно из самых высоких чувств — чувство дружбы, опошленное человеческим ничтожеством.

“Ты знаешь всех наших существователей [. . .] Они задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека. И между этими существователями я должен пресмыкаться. . .” — не так давно сетовал восемнадцатилетний Гоголь в письме к своему гимназическому товарищу Г. И. Высоцкому, называя его “единственным другом” и изливая ему самые выпренные дружеские чувства [Гоголь, 10: 98]. Та попытка дружбы не состоялась, но через шесть лет разрыв между идеалом и его земным воплощением образовал скрытый нерв повествования в *ППИ*.

²¹ Свидетельства о его непосредственном общении с баснописцем относятся к более позднему времени [КВС 1982: 255–256, 311].

²² Кончина Гнедича, по-видимому, стала для литературных кругов Петербурга толчком к обобщению разрозненных впечатлений о нем и, в частности, о его отношениях с Крыловым. Сформулированные и отточенные в те дни рассказы, не претерпев значимых изменений, были впоследствии зафиксированы в немногочисленных мемуарных очерках о самом Гнедиче, а также в составе куда более обширного корпуса воспоминаний о Крылове. Это и позволяет при реконструкции контекста 1833 года опираться на мемуарные свидетельства, записанные значительно позже.

4.

Сразу оговоримся, что Крылова и Гнедича не стоит рассматривать в качестве прямых прототипов героев *ППИ*. Тем не менее эта пара, дополнительно оттеняемая парой Гете — Шиллер, задает плотность и многоуровневость литературно-бытовых аллюзий, которыми наполнена повесть Гоголя.

Заметим, что аналогичную аллюзионную природу имеет знаменитая устная микроновелла Гоголя, относящаяся ко времени завершения работы над *ППИ* и дошедшая до нас в передаче В. А. Соллогуба. Упомянув в своих воспоминаниях о “величавости речи и приемов Гнедича, который, кажется, и думал гекзаметрами, и относился ко всему с вершины Геликона”, Соллогуб в качестве примера приводит “случай довольно характеристический”:

Когда Гнедич получил место библиотекаря при Императорской публичной библиотеке, он переехал на казенную квартиру. К нему явился Гоголь поздравить с новосельем.

— Ах, какая славная у вас квартира, — воскликнул он с свойственной ему ужимкою.

— Да, — отвечал высокомерно Гнедич, — посмотри, на стенах краска-то какая! Не простая краска! Чистый голубец!

Подивившись чудной краске, Гоголь отправился к Пушкину и рассказал ему о великолепии голубца. Пушкин рассмеялся своим детским, звонким смехом, и с того времени, когда хвалил какую-нибудь вещь, нередко приговаривал: “Да, эта вещь не простая, чистый голубец” [Соллогуб 1998: 20–21].

Ключевую роль для интерпретации этого рассказа играет упоминание свежееотделанной квартиры. Исправляя неточность Соллогуба, отметим, что Гоголь действительно мог застать переезд Гнедича — но, конечно, не в дом Публичной библиотеки, а, наоборот, оттуда в дом Оливье, где переводчик Гомера прожил с начала 1831 г. до самой смерти (2 февраля 1833-го). А 20 ноября того же года в доме Оливье поселился Пушкин²³. Вскоре, 3 декабря, Гоголь посетил его на новой квартире и читал ему *ППИ*. Возможно, тогда же он повеселил хозяина историей “о великолепии голубца”. Возникновение в разговоре темы квартиры и ее отделки могло быть связано с новосельем самого Пушкина и его несостоявшимся соседством с Гнедичем.

В исследовательской литературе принято с доверием относиться к воспоминаниям Соллогуба, касающимся Пушкина и Гоголя, однако

²³ Н. Н. Пушкина переехала на эту квартиру в отсутствие мужа, в первых числах сентября 1833 г.; Пушкин присоединился к ней 20 ноября, вернувшись из поездки, связанной со сбором материалов для “Истории Пугачевского бунта”. В доме Оливье они прожили до середины августа 1834 г.

если сообщение о том, что Пушкину понравилось услышанное от Гоголя выражение “чистый голубец”, скорее всего, является достоверным, то о диалоге Гоголя и Гнедича этого сказать нельзя. В изложении Соллогуба он, очевидно, восходит к рассказу самого Гоголя и имеет чисто литературную природу.

Имела ли вообще место встреча Гнедича и Гоголя? Чтобы подарить “знаменитому земляку” свою книгу, Гоголь вполне мог посетить его в доме Оливье в период между выходом в свет второй части “Вечеров. . .” (т. е. не ранее 2 марта 1832 г.) и кончиной Гнедича, однако финальная забавная реплика выглядит очевидно сконструированной. Свойственное Гнедичу аристократическое щегольство в быту²⁴ никак не вяжется с простодушно-напыщенной похвальбой столь заурядной вещью, как стеновая краска, скорее уместной в речи какого-нибудь “существователя”²⁵. По всей видимости, микророман о голубце представляет собой не что иное, как дошедший до нас в форме анекдота устный набросок к *ППИ*, связанный с разработкой образа одного из двух главных героев — Ивана Ивановича.

Уже при первом появлении на страницах повести Иван Иванович предстает как щеголь, обладатель “отличнейшей” бекеши, отделанной “сизыми с морозом” смушками (каракулем). Преувеличенное любование рассказчика этим недорогим мехом как чем-то роскошным и драгоценным:

Я ставлю бог знает что, если у кого-либо найдутся такие! [. . .] что это за объедение! Описать нельзя: бархат! серебро! огонь! Господи боже мой! Николай Чудотворец, угодник божий! отчего же у меня нет такой бекеши! [Гоголь, 2: 223]²⁶

— напоминает бахвальство “чистым голубцом”, которое Гоголь вложил в уста Гнедича, и сразу же задает ироническое отношение к Ивану Ивановичу. То, что в обоих случаях в качестве наивысшей ценности выступает не добротность или цена вещи, а ее цвет и производимый ею внешний эффект, служит очевидным маркером пустоты и поверхностности

²⁴ Н. И. Греч, посещавший Гнедича в доме Публичной библиотеки, отмечал изящество его домашней обстановки [Греч 1857: 747]. Несомненно, таким же был и интерьер квартиры поэта в доме Оливье: см. подробный реестр имущества Гнедича [*Опись 1833*].

²⁵ Ср. восторг одной из дам в “Мертвых душах”: “. . . прислали материйку: это такое очарование, которого, просто, нельзя выразить словами; вообразите себе: полосочки узенькие, узенькие, какие только может представить воображение человеческое, фон голубой и через полоску всё глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки. . . Словом, бесподобно! Можно сказать решительно, что ничего еще не было подобного на свете” [Гоголь, 6: 180].

²⁶ Далее все цитаты из *ППИ* приводятся по указанному изданию без специальных ссылок на страницы.

соответствующего комического персонажа. Здесь можно усмотреть иллюзионное сходство с рассказами о подчеркнутом внимании Гнедича к своей внешности, о его “щепетильной аккуратности” [КАМЕНСКАЯ 1991: 71], стремлении “одеваться по последней картинке” [КВС 1982: 182] и особенной тщательности подбора цветовой палитры: “Он приноровлял цвет своего фрака и всего наряда к той поре дня, в которую там и сям появлялся: коричневый или зеленый фрак утром, синий к обеду, черный вечером. [. . .] Цветные перчатки в обтяжку” [Сушков 1868: 64–65]. О Гнедиче напоминает даже наиболее выгодный ракурс обзора смушек Ивана Ивановича: “Взгляните, ради бога, на них [. . .] взгляните сбоку”. Гоголю, несомненно, было известно, что Гнедич, в детстве изуродованный оспой и потерявший правый глаз, при разговоре старался поворачиваться к собеседнику здоровым профилем.

Иван Иванович любит все красивое, его жилище уютно и даже нарядно (вокруг дома “со всех сторон навес на дубовых столбах, под навесом везде скамейки”; “небольшие окошки с резными выбеленными ставнями”). Аналогичные наблюдения друзья делали над квартирой Гнедича, где, помимо изящной и дорогой мебели, имелись картины, бюсты, ковры, часы, большое зеркало. Иван Иванович деятелен: он рано встает, ездит на свой хутор наблюдать за сельскохозяйственными работами, “из своих рук” кормит “индеек и поросенков” и даже в часы отдыха токарничает или читает. Кроме того, он педантично аккуратен и ведет своеобразный дневник, в котором вместо житейских происшествий и духовно-нравственных размышлений фиксируются события “желудочной жизни”: съев очередную дыню, приказывает “принести чернильницу и сам, собственною рукою, сделает надпись над бумажкою с семенами: «Сия дыня съедена такого-то числа». Если при этом был какой-нибудь гость, то: «участвовал такой-то»”. Параллель этому обнаруживается в неоднократно упоминаемом мемуаристами неутомимом трудолюбии Гнедича и образцовом порядке, в котором он содержал свои бумаги.

Отличительным свойством Ивана Ивановича названо красноречие и склонность к театральной жестикуляции: “Господи, как он говорит!”; “говорил необыкновенно сильно, когда душа его бывала потрясена”; “возвысив голос”; “с поднятою вверх рукою, как изображались римские трибуны”. Гнедич был известен как великолепный чтец, знаток театра и наставник актеров. Он “был несколько чопорен, величав; речь его звучала несколько декламаторски. Он как-то говорил гекзаметрами”, — вспоминал П. А. Вяземский [КВС 1982: 182]. Иван Иванович набожен, чурается “богопротивных слов” и поет на клиросе; кроме того, он “чрезвычайно тонкий человек [. . .] Боже мой, как он умел обворожить всех

своим обращением!” Гнедич, человек искренне религиозный, запомнился современникам добротой и несколько комичными претензиями на аристократизм, которые выражались, среди прочего, в изысканности речи, иногда нарочитой. Иван Иванович — холерик: общительный, любопытный, склонный к быстрой смене настроений; “если ж чем бывает недоволен, то тотчас дает заметить это”. Знавшие Гнедича в один голос подчеркивали его порывистую эмоциональность: “пылкое воображение”, “пламенный Гнедич”, “откровенен, как Гнедич”, “Гнедича батюшка [А. Н. Оленин] прозвал ходячая душа” [КВС 1982: 77, 142, 147]. Иван Иванович способен выходить из себя по пустякам: “если ему попадет в борщ муха: он [. . .] и тарелку кинет, и хозяину достанется”; впрочем, он так же быстро успокаивается. Что касается Гнедича, то и он, по словам Греча, “был очень восприимчив и пылок, сердился за безделицу, но вскоре утихал” [Греч 1857: 747]. Наконец, “Иван Иванович худощав и высокого роста”, у него голова “похожа на редьку хвостом вниз”, “большие выразительные глаза табачного цвета и рот несколько похож на букву *ижцу*”. Эта карикатурная внешность может быть соотнесена с бросавшимся в глаза безобразием Гнедича, которое друзья, впрочем, старались не замечать²⁷.

Объединяло Ивана Ивановича с Гнедичем и социальное происхождение. Гоголю, несомненно, было известно, что утонченный переводчик “Илиады” был внуком казацкого сотника, носившего фамилию Гнеденко, и что он вырос в таком же полумужицком мелкопоместном быту, как тот, который окружает героев *ППИ*. Карикатурная дворянская спесь Ивана Ивановича Перерепенко находит себе параллель в склонности Гнедича простодушно хвастаться своими великосветскими связями [там же: 747].

В свою очередь в Иване Никифоровиче — друге-антипode Ивана Ивановича — можно заметить сходство с Крыловым.

Его доминирующее качество — статичность (“. . . лежит весь день на крыльце, — если не слишком жаркий день, то обыкновенно выставив спину на солнце, — и никуда не хочет идти”; даже его “купание” сводится к тому, что он, сидя по горло в воде, пьет чай из самовара). В то же время он весьма остер на язык: “больше молчит, но если влепит словцо, то держись только: отбреет лучше всякой бритвы”. Он неэмоционален; по его виду “чрезвычайно трудно узнать, доволен ли он или сердит; хоть и обрадуется чему-нибудь, то не покажет”. Будучи довольно высокого роста, он “распространяется в толщину”; имеет “глаза маленькие,

²⁷ Живописные и словесные портреты запечатлели переводчика “Илиады” как высокого, стройного шатена с темными глазами, который, если бы не следы болезни, “был бы красавцем” [Греч 1857: 747]; см. также [Сушков 1868: 64].

желтоватые, совершенно пропадающие между густых бровей и пухлых щек”. Все эти черты, складываясь в классическую картину флегматического темперамента, в то же время явственно напоминают о Крылове. Рост выше среднего, тучность и малоподвижность, обычно интерпретируемая как лень, полное лицо с косматыми бровями и небольшими глазами, внешняя эмоциональная холодность и непроницаемость в сочетании с даром лаконичного саркастического слова — соответствующие цитаты из воспоминаний о баснописце заняли бы не один десяток страниц. Сходство с рассказами о легендарном равнодушии Крылова к своему туалету, о его склонности в домашней обстановке пребывать в одной рубашке или, якобы, вовсе без одежды (*in naturalibus*, по выражению В. А. Олениной [КВС 1982: 145]), не стесняясь присутствием прислуги, и даже принимать в таком виде посетителей обнаруживается в описании домашних привычек Ивана Никифоровича: “. . . Иван Иванович заметил Ивана Никифоровича, лежащего на разостланном на полу ковре. — Извините, что я перед вами в натуре. — Иван Никифорович лежал безо всего, даже без рубашки”. Царящий во дворе Ивана Никифоровича хаос (“корки арбузов и дынь, местами зелень, местами изломанное колесо, или обруч из бочки, или валявшийся мальчишка в запачканной рубашке”) сопоставим с беспорядком и неопрятностью, неизменно царившими в крыловской “берлоге” [там же: 264]. Великолепные “индейские голуби”²⁸, “пестревшие” на захламленном дворе Ивана Никифоровича и им “кормимые собственноручно”, вызывают в памяти отмеченную многими современниками любовь Крылова к городским птицам: “Летом у него всегда была открыта форточка, в которую влетали с Гостиного двора голуби, располагаясь на шкапах его, на окнах, за книгами, в вазах, как в собственных гнездах” [там же: 201; см. также: 68, 155, 159, 205].

Впрочем, отнюдь не все качества, которые в устной традиции ассоциировались с Гнедичем или Крыловым, в *ППИ* автоматически закрепляются за Иваном Ивановичем или Иваном Никифоровичем соответственно. Не ставя перед собой задачи пародийной обрисовки конкретных лиц, Гоголь обращался с доступным ему жизненным материалом абсолютно свободно²⁹. Так, с Иваном Ивановичем оказался связан анекдот,

²⁸ Индейские, или павлиньи, голуби — старинная декоративная порода голубей, известная по сей день.

²⁹ Укажем и на третий персонаж *ППИ*, в котором можно различить черты одной из колоритнейших фигур литературного Петербурга начала 1830-х гг. Городничий Петр Федорович (отставной военный, инвалид, раненный “в последней кампании”) — персонаж довольно типичный, однако в его облике и биографии многое напоминает конкретное лицо — генерал-лейтенанта И. Н. Скобелева. Героическое прошлое, необычная внешность, подчеркнутая “солдатская” прямота и фамильярность в сочетании с аффектированным патриотизмом и

известный в изложении Лобанова как эпизод из быта Крылова. Закончив изучение древнегреческого языка, “Иван Андреевич не думал более о греческих классиках, которых держал на полу под своею кроватью и которыми наконец Феня, бывшая его служанка, растапливала у него печи” [там же: 78]. Ср.: Иван Иванович “читает книжку, печатанную у Любия, Гария и Попова (названия ее Иван Иванович не помнит, потому что девка уже очень давно оторвала верхнюю часть заглавного листка, забавляя дитя)”.

История о надругательстве над книгой могла дойти до Гоголя в составе цикла анекдотов о Крылове и его знаменитой кухарке, в которых баснописец предстает как рассеянный, но добродушный хозяин нерадивой и темной служанки. К тому же циклу относится и анекдот о случайном обнаружении глубокой осенью крыловской шубы, еще летом вывешенной Феней для просушки на чердак и там забытой [там же: 69], свидетелем чему был тот же Лобанов. Позволим себе предположить, что впечатление от этого рассказа повлияло на завязку *ППИ*, где фигурируют хозяин, бестолковая служанка и ценная вещь, вынесенная для проветривания.

Пародируя ходульные представления о том, что соседи непременно должны быть близкими друзьями, Гоголь рисует отношения своих персонажей как дружество ультраромантического типа. Иван Иванович и Иван Никифорович много лет живут бок о бок, их дворы лишь чисто символически разделены плетнем. Они видятся по несколько раз на дню, то и дело навещая друг друга, а по воскресеньям “почти об руку” ходят в церковь. Как и подобает друзьям, они проявляют нежную заботу друг о друге: “Иван Иванович [. . .] первый замечал лужу или какую-нибудь нечистоту посреди улицы [. . .] всегда говорил Ивану Никифоровичу: «Берегитесь, не ступите сюда ногою, ибо здесь нехорошо». Иван Никифорович, с своей стороны, показывал тоже самые трогательные знаки дружбы”. Впрочем, укрепление и возобновление дружеских от-

начальстволубием придавали образу Скобелева яркий гротескный характер, способный привлечь внимание Гоголя. Скобелев потерял в сражениях левую руку и два пальца на правой, и эти боевые увечья настойчиво подчеркиваются на его портретах. Хромота городничего также является самой характерной чертой его внешности. Оба — и Скобелев, и городничий — простого происхождения, выслужились из рядовых и поздно освоили грамоту. Неожиданный литературный дебют 55-летнего генерала: “Подарок товарищам, или Переписка русских солдат в 1812 году, изданная русским инвалидом, Иваном Скобелевым” (цензурное разрешение — 27 мая 1833 г.) — стал громким событием как раз во время работы Гоголя над *ППИ*. Кроме того, слухи о том, что Скобелев в юности якобы сбежал в армию от нелюбимой жены, в карикатурном и перевернутом виде, возможно, отразились в истории о сестре Ивана Ивановича, которая “ушла за егерскую ротую, стоявшую назад тому пять лет в Миргороде; а мужа своего записала в крестьяне”.

ношений для них сводится к ряду ритуалов, в том числе к взаимному угощению табаком. Никаких общих духовных интересов Иван Иванович и Иван Никифорович не имеют, являя полную противоположность идеалу романтических друзей, в особенности друзей-поэтов.

5.

В сущности, “два почтенные мужа”, Иван Иванович и Иван Никифорович, — не вполне люди. То, что ссора между ними происходит из-за неосторожного сравнения одного из них с гусакком, и роль, которую играет в конфликте бурая свинья, позволяет говорить о наличии у обоих своего рода “тотемных животных”.

Иван Никифорович, возражая на упрек в том, что он носитя со своим ружьем, “как дурень с писаною торбою”, в запальчивости обзывает друга “гусакком”, что Иван Иванович воспринимает как величайшее оскорбление. Использование слова “гусак” в бранном смысле встречается и в современной речи и связано с такими качествами, как глупость, болтливость, заносчивость, обидчивость и завышенное самомнение. Все эти “гусиные” свойства присущи Ивану Ивановичу, а его многочисленное потомство напоминает о характерной для гусаков семейственности³⁰.

Уподобление Ивана Ивановича гусаку поддерживается и связью между этим персонажем и личностью Гнедича. Еще в юности будущий переводчик Гомера был прозван “ходульником”, “потому что он всегда говорил свысока и всякому незначительному обстоятельству придавал какую-то особенную важность” [Жихарев 1955: 422]. Позднее многим современникам запомнилась его привычка носить рубашки с очень высоким воротником (“жабо”) и галстук по моде первого десятилетия XIX века, “которого стало бы на три шеи” [КВС 1982: 182]. Эту особенность костюма Гнедича, заставлявшую его подчеркнута высоко держать голову, можно увидеть на его портретах. Обращала на себя внимание и его манера при декламации еще сильнее вытягивать шею, “которая с каждым стихом как будто бы все более и более выходила из толсто-широкого «жабо»” [Сушков 1868: 64]. Все это придавало внешности Гнедича забавный “гусиный” оттенок.

Что касается “свинства” Ивана Никифоровича, то оно само по себе достаточно очевидно: он непомерно толст, ленив, склонен целыми днями

³⁰ Ребятишки, которые “бегают часто по двору” и называют Ивана Ивановича “тятей”, разумеется, не являются законными наследниками дворянского рода Перерепенко; они — дети ключницы Гапки, их появление на свет — результат такого же природного процесса, как размножение домашней живности. По своему статусу они ничем не отличаются от кур, расхаживающих по тому же двору, и даже подачку из рук Ивана Ивановича получают наряду с петухом.

лежать, подставив голую спину солнцу, а в жару проводит время в холодке, сидя по горло в воде подобно свинье, блаженствующей в луже. На сходство со свиньей работает и брошенное как бы невзначай замечание: “пронесли было, что Иван Никифорович родился с хвостом назад”.

Интересно, что в славянской фольклорной традиции свинья является одним из животных, связанных с нечистой силой; в таком качестве свиньи и кабаны не раз фигурируют и в произведениях Гоголя. Наличие хвоста у Ивана Никифоровича могло бы изобличать его как колдуна-“рожака” (то есть прирожденного, а не “ученого” колдуна), однако в *ППИ* этот мотив почти не получает развития³¹. Никаких магических способностей Иван Никифорович не проявляет, а его тучность заставляет видеть в хвостике атрибут не столько колдовской, сколько просто пороссячий. В сцене торга он в штыки принимает предложение Ивана Ивановича обменять ружье на бурюю свинью, “откормленную в сажу” (т. е. в специальном хлеву на убой): “. . . свинья! Если бы вы не говорили, я бы мог это принять в обидную для себя сторону”. Таким образом, свинья для этого персонажа оказывается одновременно и “темным животным”, и колким намеком на его тучность и леность³².

³¹ На слухи о связи Ивана Никифоровича с нечистой силой намекает лукавый комментарий рассказчика: “я даже не почитаю нужным опровергать [“выдумку” насчет хвоста. — *Е. Л., Н. С.*] пред просвещенными читателями, которым, без всякого сомнения, известно, что у одних только ведьм, и то у весьма немногих, есть назад хвост”. Впрочем, большинству “просвещенных читателей” гоголевских времен вряд ли было известно, что малороссийские народные поверья допускали наличие хвоста не только у женщин-ведьм, но и у колдунов-мужчин. Настораживает также речевая невольность Ивана Никифоровича — то, как часто и бесстрашно он поминает черта, смущая этим своего набжного друга. Вполне по-колдовски Иван Никифорович принимает гостя в темной комнате, где луч солнца, пройдя через дыру в ставне, рисует на стене образ внешнего мира, перевернутый вверх ногами, и сообщает всему помещению “какой-то чудный полусвет” (одним из признаков колдуна, напомним, считается то, что в его глазах можно увидеть собственное перевернутое отражение). Да и Иван Иванович в надежде завладеть вождленным ружьем не предлагает за него соседу деньги, а пытается прибегнуть к натуральному обмену, как принято в отношениях с колдунами. Неестественная, нечеловеческая толщина Ивана Никифоровича (в суде он не пролезает в дверь) — черта одновременно комическая и демоническая. Даже форма его головы (“редька хвостом вверх”), наводит на мысль о нечистой силе: заостренная кверху голова — один из устойчивых иконографических признаков демонов [Антонов, Майзульс 2015: 33–41]. Впрочем, по-видимому, Иван Никифорович — колдун несостоявшийся. Полумрак не позволяет рассмотреть, есть ли у него в самом деле хвост, однако то, что он не стесняется показаться обнаженным, заставляет предполагать, что ему нечего скрывать. Явное сходство этого героя со знахарем Пузатым Пацюком (“Ночь перед Рождеством”) и его латентный демонизм намекают связь между *ППИ* и ранними “малороссийскими” повестями Гоголя. Образ Ивана Никифоровича таким образом приобретает таинственную глубину и значительность, что выводит историю, рассказанную в повести, за рамки бытового анекдота.

³² Тучность и лень являются базовыми качествами и для образа Крылова, однако связь между ним и Иваном Никифоровичем здесь не просматривается.

И в дальнейшем герои повести используют “тотемы” друг друга для того, чтобы нанести урон противнику: Иван Никифорович демонстративно строит вплотную к владениям бывшего друга “отвратительный” для того гусиный хлев, а свинья Ивана Ивановича похищает из суда “ябеду” соседа. Фактически ссора двух дворян перерастает в войну между соответствующими животными.

Гусь и свинья как персонажи фольклорного бестиария образуют устойчивую контрастную пару. Об этом свидетельствует целый ряд идиом: “Свинья да мякина, гусь да вода — здоровы живут”, “Семка украл поросенка; сказал на гусенка”; “И то бывает, что свинья гуся съедает”, “Гусиный разум, да свиное хрюкальце” и, разумеется, “Гусь свинье не товарищ”. В сущности, вся *ППИ* представляет собой развернутую иллюстрацию к последней поговорке.

6.

Несмотря на банальность построения комической пары по принципу контраста и взаимодополнительности³³, Гоголь придает классической теме неразлучной дружбы неожиданное и оригинальное развитие. Дружба Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича служит своего рода палладиумом Миргорода³⁴. До поры до времени она является для горожан образцом отношений, к которым должны стремиться даже кровные родственники. Ср. с тем, как престарелая матушка судьи, унимая ссору своих взрослых детей, говорит им: “Вы, детки, живете между собою, как собаки. Хоть бы вы взяли пример с Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Вот уж друзья так друзья! то-то приятели! то-то достойные люди!” Неслучайно ссора “единственных друзей” приводит в

Несмотря на легендарный аппетит и неопрятность баснописца, современники сравнивали его не со свиньей, а с другим животным — медведем [КВС 1982: 264] (карикатуру А. О. Орловского, изображающую Крылова в виде медведя, см. в: [Бабинцев 1955: 59–60]). Известно также сравнение Крылова с хомяком, к которому прибег П.А. Вяземский, намекая, очевидно, на прожорливость этого зверька, известного в то время исключительно как сельскохозяйственный вредитель [КВС 1982: 182], а также его способность делать запасы и впадать в спячку. Ср. одно из значений современного жаргонизма “хомячить” — жадно есть, набивать рот едой.

³³ О важных для Гоголя претекстах этой характерологической модели см.: [Вайскопф 2002: 300–313; Александрова 2011].

³⁴ Словарь Академии Российской дает следующее определение слова *миръ*: “Тишина, спокойствие, согласие народа или государства с другими народами” [САР, 4: 145]. Именно “мир” как дружеское согласие нарушается ссорой Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, причем то, что формальным поводом к ссоре послужило ружье, придает их конфликту комическую военную окраску. На месте мира и дружбы в городе водворяются брань и вражда, а значит, Миргород перестает быть мирным городом, теряет свою сущность, свое стержневое, опорное качество.

такой ужас земляков, заставляя их прилагать экстраординарные усилия для примирения. Фактически разрушение дружбы между Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем влечет за собой упадок всего миргородского универсума. В финале повести живописные картины довольства и изобилия сменяются панорамой, пронизанной тоской и безнадежностью: осень “со своею грустно-сырою погодою, грязью и туманом”, “ненатуральная зелень” полей, “которым она пристала как шалости старику, розы — старухе”, “мокрые галки и вороны”, “слезливое без просвету небо”. Город встречает приезжего посткатастрофическим пейзажем: “Несколько изб было снесено. Остатки заборов и плетней торчали уныло”. Жители Миргорода разделили его судьбу: “Сколько вымерло знаменитых людей!” — восклицает рассказчик и называет именно тех, кто пытался не допустить окончательного разрыва между Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем.

Ощущение умирающего города достигает апогея в описании церкви, которая, несмотря на праздничный день, оказывается пустой: “Свечи при пасмурном, лучше сказать — больном дне, как-то были странно неприятны; темные притворы были печальны; продолговатые окна с круглыми стеклами обливались дождливыми слезами”. Именно там рассказчик находит Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича. Один стоит перед иконой в притворе, другой — на крылосе; они, похоже, не видят друг друга. Оба производят впечатление призраков. Из описания Ивана Никифоровича полностью исчезает привычная телесность, рассказчик различает в сумраке только его седые волосы; о прежнем Иване Ивановиче напоминает только бекеша, а сам он, некогда худощавый, превратился в “тощую фигуру”, лицо его покрыто морщинами, волосы совершенно побелели. С изможденным обликом Ивана Ивановича пугающе контрастирует “веселая улыбка, которая так всегда шла к его воронкообразному лицу”, а теперь придает ему сходство в лубочными изображениями Смерти³⁵.

Присутствие теней прежних Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича превращает церковь в склеп, в общую гробницу их некогда великой, а ныне мертвой дружбы — грустная ироническая параллель погребению Гете и Шиллера в великокняжеской усыпальнице в Веймаре, ставшей

³⁵ Изображения аллегорической фигуры Смерти в виде иссохшего белесого мертвеца, распространенные в народном искусстве кон. XVIII – нач. XIX вв. (лубочные картинки, иллюстрированные рукописные книги духовного содержания, “наивные” иконы и храмовые росписи), несомненно, были знакомы Гоголю. Лицо Смерти на таких изображениях покрыто морщинами и походит на обтянутый кожей череп, который резко сужается к низу наподобие воронки. Ослабленные черепа — распространенная деталь изображения Пляски смерти (*danse macabre*) в западноевропейской иконографии, достаточно хорошо известной в Малороссии [Антонов, Майзульс 2011: 192–201].

местом паломничества для поклонников поэзии и энтузиастов дружбы. И блаженный Миргород, где некогда жили “в трогательной дружбе два единственные человека, два единственные друга”, после их ссоры лежит во прахе, как Рим после того, как в храме Весты погас священный огонь.

В интерпретации Гоголя дружба, безмерно превознесенная романтической культурой, предстает хрупкой и тленной, неспособной послужить человеку опорой и защитить его от убийственного влияния окружающего хаоса и бессмысленности существования. Вырвавшись из мертвого города, как с *того света*, рассказчик завершает повесть неожиданным восклицанием: “Скучно на *этом свете*, господа!” [курсив наш. — Е. Л., Н. С.]. Слово *скучно* здесь употреблено в полузабытом ныне значении духовного омертвения³⁶; прямое обращение к читателям ставит их перед этим состоянием как перед главной проблемой уже не вымышленного миргородского мирка, а их собственного реального мира.

Библиография

Сокращения

РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).

ОАД РНБ — Отдел архивных документов Российской национальной библиотеки (С.-Петербург).

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург).

Архивные материалы

Гнедич 1816

ОАД РНБ, ф. 1, оп. 1, № 17, “Об утверждении помощника библиотекаря Гнедича библиотекарем и вообще о службе его”, 1816 г.

— 1814–1831

РГИА, ф. 733, оп. 15, № 34, “Дела (sic!) о службе библиотекаря Н. И. Гнедича”, 1814–1831 гг.

Казенные квартиры 1816

РГИА, ф. 733, оп. 15, № 44, “По донесению директора Публичной библиотеки о том, что коллежскому советнику Крылову и губернскому секретарю Сопикову даны казенные квартиры. . .”, 24 июня 1816 г.

Крылов 1813

ОР РНБ, ф. 397, № 11, Список трех басен (автограф И. А. Крылова), подготовленный для чтения вслух императрице, 1813 г.

— 1819

ОР РНБ, ф. 397, № 31, Экземпляр издания басен (С.-Петербург, 1819) с правкой рукою И. А. Крылова.

³⁶ Ср. толкования на слово *скука*: “Тягостное чувствование души, происходящее от недеятельности ее” [САР, 3: 1103]; “Тягостное чувство от косного, праздного, недеятельного состояния души” [Даль, 4: 193].

Опись 1833

ОР РНБ, ф. 777, № 1555, лл. 11–20 об., “Опись вещам статского советника Николая Ивановича Гнедича, описанным после смерти его и проданным. . .”, 1833 г.

Печатные источники

Анненков 1960

Анненков П. В., *Литературные воспоминания*, Москва, 1960.

Бабинцев 1955

“И. А. Крылов. Новые материалы”, С. М. БАБИНЦЕВ, публ., в: *Сборник государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина*, 3, Ленинград, 1955, 52–60.

Вигель 2003

Вигель Ф. Ф., *Записки*, 1–2, Москва, 2003.

ГЕОРГИЕВСКИЙ 1914

ГЕОРГИЕВСКИЙ Г. П., А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич. *Новые материалы из Оленинского архива*, С.-Петербург, 1914.

Гнедич 1821

Гнедич Н., “К И. А. Крылову, приглашавшему меня ехать с собою в чужие края”, *Сын отечества*, 43, 1821, 127–128.

——— 1956

Гнедич Н. И., *Стихотворения*, И. Н. МЕДВЕДЕВА, вступ. стат., подг. текста и прим., Ленинград, 1956.

Гоголь, 1–14

Гоголь Н. В., *Полное собрание сочинений*, 1–14, Москва, Ленинград, 1937–1952.

Греч 1832

Греч Н., “Корреспонденция. Письмо к В. А. Ушакову”, *Северная пчела*, 45, 26 февраля 1832, лл. 1–2.

——— 1857

Н. Гр. [Греч Н. И.], “Газетные заметки”, *Северная пчела*, 159, 23 июля 1857, 747–749.

Даль, 1–4

Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, 1–4, Москва, 1863–1866.

Жихарев 1955

Жихарев С. П., *Записки современника*, Москва, 1955.

КАМЕНСКАЯ 1991

КАМЕНСКАЯ М., *Воспоминания*, Москва, 1991.

КВС 1982

Гордин А. М., Гордин М. А., вступ. ст., подг. текста, коммент., *И. А. Крылов в воспоминаниях современников*, Москва, 1982.

Крылов 1956

Крылов И. А., *Басни*, А. П. МОГИЛЯНСКИЙ, подг., Москва, 1956.

Лобанов 1842

Лобанов М., “Гнедич”, в: *Сын отечества*, 11, 1842, 2–59.

Некролог 1844

А. В., “Крылова не стало!”, *С.-Петербургские ведомости*, 260, 17 ноября 1844, 1037–1038.

Новости 1832

“Новости заграничные”, *Северная пчела*, 72–73, 29 марта 1832, л. 1об.

Пушкин, 1–16

Пушкин А. С., *Полное собрание сочинений*, 1–16 Ленинград, 1937–1949.

САР, 1–6

Словарь Академии Российской, 1–6, С.-Петербург, 1789–1794.

Соллогуб 1998

Соллогуб В. А., *Воспоминания*, С.-Петербург, 1998.

Стурдза 1851

Стурдза А., “Беседа любителей русского слова и Арзамас в царствование императора Александра I-го: И мои воспоминания”, *Москвитянин*, 21, 1851, 3–22.

Сушков 1868

Сушков Н., “Выдержки из Записок”, *Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском Университете*, 4, 1868, 52–92.

Тиханов 1884

Тиханов П. Н., *Николай Иванович Гнедич (1784–1884). Несколько данных для его биографии по неизданным источникам*, С.-Петербург, 1884.

Voss 1996

Voss J. H., *Ausgewählte Werke*, А. HUMMEL, Hrsg., Göttingen, 1996.

Литература

АЛЕКСАНДРОВА 2011

АЛЕКСАНДРОВА И. В., “«Нет повести печальнее. . .» («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя и комедия А. А. Шаховского «Ссора, или Два соседа»)”, в: М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, А. А. КАРПОВ, ред., *Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя*, С.-Петербург, 2011, 193–203.

АНТОНОВ, МАЙЗУЛЬС 2011

АНТОНОВ Д. И., МАЙЗУЛЬС М. Р., *Демоны и грешники в древнерусской иконографии: Семиотика образа*, Москва, 2011.

——— 2015

АНТОНОВ Д. И., МАЙЗУЛЬС М. Р., *Анатомия ада: Путеводитель по древнерусской визуальной демонологии*, Москва, 2015.

БЕСПРОЗВАННЫЙ 2010

БЕСПРОЗВАННЫЙ В., “«Миргород» Н. В. Гоголя: цикл как текст”, в: Н. МАЗУР, сост., *Пермяковский сборник*, 2, Москва, 2010, 308–325.

ВАЙСКОПФ 2002

ВАЙСКОПФ М. Я., *Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст*, 2-е изд., Москва, 2002.

ГОЛУБЕВА 2000

ГОЛУБЕВА О. Д., *Н. И. Гнедич*, С.-Петербург, 2000.

ГОРДИН 1969

ГОРДИН А. М., *Крылов в Петербурге*, Ленинград, 1969.

ГУКОВСКИЙ 1959

ГУКОВСКИЙ Г. А., *Реализм Гоголя*, Москва, Ленинград, 1959.

КОН 2005

КОН И. С., *Дружба*, С.-Петербург, 2005.

ЛЯМИНА, САМОВЕР 2016

ЛЯМИНА Е. Э., САМОВЕР Н. В., “«Преоригинальная туша»: Статья первая. Крылов и николаевская народность”, *Новое литературное обозрение*, 2016 (в печати).

МЕДВЕДЕВА 1956

МЕДВЕДЕВА И. Н., “Н. И. Гнедич”, в: [Гнедич 1956: 2–65].

Шимкевич 1918

Шимкевич К., "Еще одна дата", в: *Пушкин и его современники: Материалы и исследования*, 29–30, Петроград, 1918, 34–35.

Acknowledgements

Academic Fund Program of the National Research University Higher School of Economics, 2014–2015 (Project No. 14-01-0205).

References

- Aleksandrova I. V., "«Net povesti pechal'nee. . .» («Povest' o tom, kak possorilsia Ivan Ivanovich s Ivanom Nikiforovichem» N. V. Gogolia i komediia A. A. Shakhovskogo «Ssora, ili Dva soseda»)," in: M. N. Virolainen, A. A. Karpov, ed., *Fenomen Gogolia*, St. Petersburg, 2011, 193–203.
- Antonov D. I., Maizuls M. R., *Demony i greshniki v drevnerusskoi ikonografii: Semiotika obraza*, Moscow, 2011.
- Antonov D. I., Maizuls M. R., *Anatomiia ada: Putevoditel' po drevnerusskoi vizual'noi demonologii*, Moscow, 2015.
- Besprozvannyi V., "«Mirgorod» N. V. Gogolia: tsikl kak tekst," in: N. Mazur, ed., *Permiakovskii sbornik*, 2, Moscow, 2010, 308–325.
- Golubeva O. D., *N. I. Gnedich*, St. Petersburg, 2000.
- Gordin A. M., *Krylov v Peterburge*, Leningrad, 1969.
- Gukovskiy G. A., *Realizm Gogolia*, Moscow, Leningrad, 1959.
- Kon I. S., *Druzhiba*, St. Petersburg, 2005.
- Lyamina E. E., Samover N. V., "«Preoriginal'naia tusha»: Stat'ia pervaiia. Krylov i nikolaevskaia narodnost'," *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2016 (forthcoming).
- Medvedeva I. N., "N. I. Gnedich," in: Gnedich N. I., *Stikhotvoreniiia*, I. N. Medvedeva, ed., Leningrad, 1956.
- Shimkevic K., "Eshche odna data," in: *Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniia*, 29–30, Petrograd, 1918, 34–35.
- Weiskopf M., *Siuzhet Gogolia: Morfologiia. Ideologiia. Kontekst*, 2nd ed., Moscow, 2002.

Екатерина Эдуардовна Лямина, канд. филол. наук

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
профессор Школы филологии
105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4
Россия/Russia
catherine.lyamina@gmail.com

Наталья Владимировна Самовер

Сахаровский центр,
координатор выставочной и экспозиционной деятельности
105120 Москва, ул. Земляной вал, д. 57, стр. 6
Россия/Russia
natalia.samover@gmail.com

Received on July 16, 2015